

А

Марк Алданов
Могила воина
Сказка о мудрости

*Seek out -- less often sought than found
A soldier's grave, for thee the best,
Then look around and choose thy ground,
And take thy rest.*

"Поищи же для себя могилу воина. Ищут ее реже, чем находят. Она подобает тебе всего более.
Осмотришься, выбери свое место -- и отдохни."

Предсмертные стихи Байрона.

От Автора

"Пуншевая Водка" и "Могила Воина", разумеется, не исторические романы, а "философские сказки". Не следует ли напомнить, что у этого литературного рода должны быть свои законы?

I

Пещеру приема решено было устроить на этот раз у Флориана. Вначале мастер-месяц, полный, рыхлый, краснолицый брюнет лет сорока, не хотел об этом слышать и даже, по своему обыкновению, вспылал: -- "Все имеет границы! Можно пренебрегать уставом, но не до такой степени! Бог знает что вы предлагаете!..." -- По уставу, в самом деле требовалось обставлять величайшей тайной собрания карбонариев; устраивать баракку в наиболее людной кофейне Венеции было странно. Однако, хозяин хижины, старый, седой адвокат, славившийся ораторским искусством и мастерством диалектики, спокойно, уверенно, разумно отстаивал свою мысль: -- "Ведь в этом-то вся штука: придет ли полиции в голову, что карбонарии собираются у нее под носом, на площади св. Марка!" Мастер-солнце согласился с его доводами и привел еще свой: -- "Из-за наших особых условий мы все равно не можем соблюдать букву устава. Как вы знаете, по завету древних угольщиков, идущему от Филиппа Македонского, баракка должна устраиваться в лесу. Где же в Венеции леса?"

Обычно и пещера приема, и рядовые баракки устраивались в уединенной вилле на Лидо. Хозяин хижины еще раз объяснил, что туда Байрон не явится, -- он ведь сказал, что в город, пожалуй, придет, ехать же вечером на остров не согласен: далеко, неудобно, боится простудиться. -- "Так что одно из двух: либо мы устроим баракку как всегда, но тогда Байрона не будет. Если же вента считает полезным, чтобы он приехал, то лучше Флориана ничего не придумаешь". Вента приняла во внимание, что управляющий кофейни -- старый, испытанный карбонарий третьей степени; и лакей Беппо тоже давно принят и тоже человек вполне надежный. -- "Мы снимем две комнаты: в той, что побольше, устроим баракку, в маленькой -- камеру размышлений. Управляющий будет всем говорить, что комнаты сданы под обед в честь одного англичанина. Они часто сдаются под банкеты". -- "Хороша будет баракка!" -- проворчал мастер-месяц. -- "Я все беру на себя. Рано утром мы перенесем к Флориану в корзине чашу забвения, треугольники, подсвечники, одним словом, все, что нужно". -- "И пни принесем в корзине?" -- "Нет, без пней придется обойтись. Мне поставят кресло, а все остальные будут сидеть на стульях"... "Так я и знал! Но, ведь, стулья у Флориана одинаковые, а вы, быть может, все-таки помните, что для третьей степени требуются пни повыше!..."

Хозяин хижины благодушно улыбался: знал что мастер-месяц, фанатик устава, человек горячий, вспыльчивый, как порох, но золотое сердце, сначала вспыхнет, раскричится, отведет душу, а затем уступит. Мастер-месяц, в самом деле, в конце концов, уступил: "Ну, что ж, может быть, вы и правы. Во всяком случае, приятно будет насмеяться над полицией дорогого Меттерниха"...

Уступил он и по вопросу о церемониале приема. В венту на этот раз принимался приехавший ненадолго в Венецию грек Папаригопулос. Он карбонарием не состоял, но был видным деятелем гетерии филикеров, имел там степень жреца, считался кандидатом в пастухи и привез полномочия от великого мастера элевзиний. Принимать такого человека, как обыкновенного новичка, по обряду первой степени, было признано невозможным. Хозяин хижины предложил смешанный обряд первой и третьей степеней. Устав давал на это право. Мастер-месяц на смешанный обряд согласился, добившись значительных уступок в отношении подробностей. "А то сегодня отказываемся от пней, завтра вы еще прикажете отказаться